

Салиас де Турнемир Евгений Андреевич

Бригадирская внучка

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д25

Д25 **де Турнемир Евгений Андреевич С.**
Бригадирская внучка / Салиас де Турнемир Евгений Андреевич – М.: Книга по Требованию,
2023. – 460 с.

ISBN 978-5-519-84460-4

ISBN 978-5-519-84460-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Народъ волновался все болѣе. Всякіе нелѣпыя слухи, ходившіе въ городъ, легко поднимали чернь на всякое буйство. Болѣе всего были озлоблены москвичи на докторовъ, а равно и на властей, якобы потворствовавшихъ докторамъ. Говорили, что не чума виновата, а доктора подкуплены кѣмъ-то чтобы морить православный народъ.

Предположеніе это, въ которое твердо вѣрила вся московская чернь, основывалось главнымъ образомъ на томъ обстоятельстве, что въ эти дни въ Москвѣ почти не было русскихъ врачей. Всѣ наличные медики въ первопрестольной были исключительно нѣмцы, поляки или жида. Даже главныя медицинскія власти города — и тѣ были почти безъ исключенія иноземцы всевозможныхъ странъ. Главный докторъ всей Москвы, пачальникъ всѣхъ больницъ, „штатъ-физикъ“, былъ нѣмецъ фонъ-Риндеръ.

Въ лѣтніе мѣсяцы были уже нѣкоторыя улицы и переулки заставленныя рогатками, такъ какъ все населеніе ихъ вымерло, всѣ дома были заколочены, а проѣздъ среди зачумленныхъ домовъ изъ предосторожности запрещался. Разумѣется, были дома и домики, изъ которыхъ населеніе все выѣхало или бѣжало. Были и такіе, гдѣ умерло не болѣе двухъ человѣкъ, а всѣхъ остальныхъ

забрали и отправили въ карантинныя за городъ.

Такъ или иначе, по всѣмъ улицамъ стояли пустынные, дома съ закрытыми ставнями, ворота и калитки заколоченныя досками.

Въ одномъ изъ переулковъ близъ Арбата было, именно, полное безлюдье, хотя рогатокъ еще не поставили, такъ какъ въ числѣ двухъ десятковъ домовъ, уже заколоченныхъ, еще оставалось домовъ пять, гдѣ жили обыватели.

Посреди этихъ немногихъ уцѣлѣвшихъ, въ ярко выкрашенномъ голубою краской домикѣ съ расписными ставнями, жило еще цѣлое семейство, которое матушка-чума до сихъ поръ обходила. Небольшой деревянный домикъ съ четырьмя оконцами на улицу, съ десяткомъ такихъ же оконцевъ во дворъ и въ малenkій садикъ, принадлежалъ арбатскому купцу-лавочнику.

Домъ этотъ занималъ уже года три офицеръ въ отставку, поручикъ Артемій Никитичъ Филисовъ, съ женой, семнадцатилѣтнею дочерью и пятнадцатилѣтнимъ сыномъ. При нихъ было человѣка три-четыре дворовыхъ людей.

Поручикъ Филисовъ былъ въ исключительномъ положеніи, и не смотря на бѣдную обстановку, на мѣщанскій бытъ, его знала вся Москва, и вельможная, и чиповная.

Его родной отецъ, бригадиръ Никита Артемьевичъ Филисовъ, былъ хорошо извѣстенъ не только всей Москвѣ, но и Петербургу. Бригадиръ жилъ широко и открыто, на боярскій ладъ, въ собственныхъ своихъ палатахъ у Никитскихъ воротъ.

Единственный же сынъ его, поручикъ Артемій Филисовъ, съ двумя дѣтьми ютился въ маленькой квартиркѣ въ переулкѣ. Здѣсь въ пяти горницахъ размѣстился кое-какъ самъ Филисовъ, жена его, дочь, сынъ и люди. А тамъ, въ большомъ каменномъ домѣ бригадира былъ онъ одинъ, да при немъ жила его двоюродная сестра, пожилая, но красивая вдова. Тамъ въ домѣ было до двадцати-пяти пустыхъ покоевъ и горницъ.

Разумѣется, поручикъ Филисовъ былъ извѣстень всѣмъ ради своего отца. Филисовы отецъ и сынъ были теперь если не въ полной ссорѣ, то въ размолвкѣ. Причина этой размолвки была по времени и обычаямъ очень серьезна.

Поручикъ Филисовъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, безъ позволенія и безъ благословенія родительскаго обвинчался съ дѣвушкой, которую полюбилъ. Дѣвушка эта была дочерью просвирни сосѣдняго прихода. Послѣ такого срамнаго событія бригадиръ, конечно,

не пожелалъ видѣть сына и объявилъ его лишеннымъ наслѣдства.

Въ теченіе шести лѣтъ Филисовы не видались между собой. Бригадиръ, несмотря на хлопоты и совѣты всѣхъ друзей и знакомыхъ простить молодого офицера, упорно продолжалъ не допускать къ себѣ ни сына, ни его семью.

Наконецъ, черезъ шесть лѣтъ послѣ своей свадьбы Филисовъ-сынъ, окончательно погибая безъ средствъ къ жизни, почти нищенствуя, обратился съ просьбой къ начальству. Генералъ-губернаторъ заинтересовался судьбой молодого человѣка. Снова принялись всѣ за бригадира — и тотъ уступилъ. Онъ повидался съ сыномъ и невѣсткой, позволилъ имъ пріѣхать вмѣстѣ съ дѣтьми. Всѣ пробыли у бригадира часа два, не болѣе. Никита Артемьевичъ объяснилъ сыну, что будетъ давать ему на прожитокъ четыреста рублей въ годъ, то-есть средства къ безбѣдному существованію. Затѣмъ бригадиръ подарилъ невѣсткѣ Агафѣ Филипповнѣ дворовую женщину въ мамушки для дѣтей, а сыну двухъ дворовыхъ людей, лѣтъ по двадцати, для услугъ.

Видаться съ сыномъ и его семьей бригадиръ не изъявилъ согласія и объяснилъ, что когда будетъ какая нужда, то сынъ можетъ заглянуть, свое дѣло пояснить.

Съ этого дня Филисовы, нанявъ квартиру попросторнѣе, жили бѣдно, но по крайней мѣрѣ были сыты и одѣты. Разумѣется, изъ года въ годъ, пока подростали дѣти, Филисовы надѣялись, что отецъ положитъ гнѣвъ на милость; каждый годъ мечтали они, что переѣдутъ въ большой и богатый домъ бригадира.

Но годы шли, въ палатахъ Никиты Артемьевича распоряжалась всѣмъ красивая двоюродная сестрица, „соломенная“ вдова, а Филисовъ со своей семьей кое-какъ существовалъ, перебивался, кочуя изъ одной наемной квартирки въ другую.

Когда дочери Филисова, Клеопатрѣ, которую всѣ звали уменьшительнымъ „Клѣна“, минуло двѣнадцать лѣтъ, бригадиръ предложилъ сыну отдать внучку къ нему въ домъ, дабы возможно было дать ей дворянское воспитаніе. Но Филисовъ на это не согласился, и Клѣна осталась въ домѣ родителей.

— Отецъ будетъ нищенствовать, а дочь въ золотыхъ каретахъ кататься! сказалъ опъ. — Это не рука.

И поручикъ, наоборотъ, предложилъ отцу взять сынишку, мальчугана умнаго и шустрого; но бригадиръ отказалъ въ свою очередь. До него уже доходили слухи, что

мальчуганъ-внукъ въ мѣщанской обстановкѣ своихъ родителей велъ такую жизнь, вращался въ такой средѣ, что сталъ совсѣмъ шатуны-мальчишка, умѣвшій только озорничать на улицѣ и на сосѣднихъ дворахъ и огородахъ.

Не смотря на стѣсненные средства, Филисовы все-таки сумѣли дать кое-какое воспитаніе своей дочери. Клѣну училъ грамотѣ приходскій дьячокъ. Дѣвочка была отъ природы чрезвычайно способная, умная, смѣлая, даже, пожалуй, черезчуръ бойкая. Въмѣстѣ съ тѣмъ она была очень красива и умѣла правиться всѣмъ.

II.

Такъ прошло время. Теперь Клѣнѣ пошелъ уже семнадцатый годъ и она уже сама сумѣла составить себѣ въ Москвѣ кругъ знакомыхъ.

Поручикъ Филисовъ и его жена, за послѣднее время совершенно болѣзненные, сидѣли безвыходно дома. Самъ Филисовъ, которому было около тридцати восьми лѣтъ, казался на видъ гораздо старше. Ему можно было дать около пятидесяти. Жизнь тяжелая, скучная, съ безвыходною бѣдотой, а главное, полная униженій,

конечно, повліяла на него. За послѣднее время у него появился даже тотъ порокъ, который часто является у русскаго человѣка отъ горя, праздности или неадачи въ жизни. Филисовъ началъ пить и на него изрѣдка нападали запой.

При этомъ всѣ знакомые и сосѣди отъ души жалѣли поручика, объясняя его порокъ несчастной обстановкой и виня во всемъ богача и упряма бригадира.

Агафья Филипповна Филисова вслѣдствіе своихъ недуговъ проводила большую часть дня въ постели. Только часа по два въ день она сидѣла у окошечка, занимаясь оглядываніемъ прохожихъ и проѣзжихъ. Лѣтомъ при отворенномъ окнѣ она останавливала всякаго идущаго опросами. Такимъ образомъ вскорѣ Агафья Филипповна знала въ лицо и по имени не только всю свою улицу, но и прилегающіе переулки. Вмѣстѣ съ тѣмъ она знала все, что творится во всемъ околоткѣ, кто какъ живетъ, кто съ кѣмъ хлѣбъ-соль ведетъ или враждуетъ, кто на что надеется.

Въ то-же время мальчуганъ, которому было теперь уже пятнадцать лѣтъ, пропадалъ по цѣлымъ днямъ изъ дому, бывая Богъ вѣсть гдѣ, якаясь Богъ вѣсть съ кѣмъ. Родные часто журили сына, иногда запирали его

на дворѣ въ чуланѣ, но добиться ничего не могли. Определить его куда-либо на службу было еще рано, да и тотъ экзаменъ, который требовался для поступленія хотя бы въ полкъ, юноша сдать, конечно, немогъ. Онъ не умѣлъ ни читать, ни писать. Тотъ мѣстный дьячокъ, который обучалъ чему могъ барышню Клеопатру Артемьевну, давно уже отказался отъ ея брата, Филиппа Артемьевича, объясняя, что онъ, кромѣ гоцыбы голубей, игры въ бабки и свайку или швырянья каменьею чрезъ сосѣдскіе заборы, ничѣмъ не въ состояніи заняться. Филиппъ началъ съ тринадцати лѣтъ дружить и водиться со всякимъ подозрительнымъ людомъ. Въ послѣднее время городскія власти уже два раза обратили вниманіе его отца на какіе то неблаговидные поступки. Наконецъ, чума и смутные дни въ Москвѣ должны были окончательно разнуздать молодца.

Одновременно Клена съумѣла по немножку завести себѣ много знакомыхъ. Она была пріятельницей многихъ барышень, своихъ сверстницъ, часто бывала во многихъ московскихъ дворянскихъ домахъ, гдѣ гостила по нѣскольکو дней, изрѣдка навѣдываясь домой. Вслѣдствіе этого за послѣдній годъ Клена среди совершенно мѣщанской, бѣдной и грязной обстановки своихъ роди-

телей казалась какъ бы чужою для нихъ, приличною барышней, дочерью родовитыхъ дворянъ. Даже всѣ сосѣди въ улицѣ съ почтеніемъ звали ее „бригадирская внучка“, какъ бы игнорируя ея родныхъ.

Знакомые же Клены предпочитали изъ тщеславія назвать или представить ее кому-либо подъ этимъ именемъ бригадирской внучки, чтобы не сказать, что она дочь полуннаго поручика полевой команды, женатаго вдобавокъ на „просвиренской“ дочкѣ.

Братъ и сестра не были дружны. Филиппъ, хотѣ былъ моложе Клены на два года, пользовался, разумѣется, гораздо большею свободою. Но на него бѣдная обстановка, отсутствіе всякаго воспитанія и сѣренькое житье-бытье подѣйствовали губительно. Теперь между братомъ и сестрой не было уже ничего общаго, и дѣвушка гнушалась мальчугана.

Клена вела себя примѣрно, скромно и разумно, какъ подобало бригадирской внучкѣ и родовитой дворянкѣ по происхожденію; братъ же становился совсѣмъ уличнымъ озорникомъ и шалуномъ. Няня звала его: Полупочникъ.

Лѣтомъ Клену часто приглашали ея друзья къ себѣ въ деревню, подѣ Москвою или

далѣе, и чѣмъ дольше гостила дѣвушка, тѣмъ, конечно, тяжелѣе ей было возвращаться въ родительскій домъ. Тѣсно и то-скливо казалось ей въ трехъ маленькихъ горницахъ, гдѣ лежала больная мать, какъ-то отупѣвшая и отъ обстановки, и отъ образа жизни, и гдѣ, съ другой стороны, изрѣдка бывалъ пьяный отецъ, являвшійся изъ сосѣдняго питейнаго дома, лохматый, испачканный, въ растерзанномъ видѣ.

Вмѣстѣ съ Кленой, постоянно сопровождавшая ее повсюду, бывала и мамушка, подаренная когда-то бригадиромъ и теперь обожаемая ею Ариша или Арипа Матвѣевна. Умная женщина, насколько могла и умѣла, обучала уму разуму свое дитятко иставляла какъ вести себя въ обществѣ.

Благодаря именно вліянію Арины Матвѣевны, ея постояннымъ хлопотамъ, Клена и могла завести свой кругъ знакомства. Когда Кленѣ исполнилось еще только четырнадцать лѣтъ, Арипа Матвѣевна уже вездѣ, всѣми правдами и неправдами, старалась, чтобы ея ненаглядное дитятко проникло въ какой-нибудь хорошій дворянскій домъ. Арипа Матвѣевна отправлялась впередъ развѣдчикомъ, знакомилась съ людьми, съ мамушками, дружилась, и затѣмъ уже начинала свои подкопы, свою атаку, добиралась до